

ИСКУССТВО—ЭТО ТРУД

Засл. арт. республики А. ГОРЮНОВ

В последнее время, с легкой руки А. Д. Дикого, появилось много высказываний различных деятелей театра по кардинальным вопросам нашей театральной жизни. С момента апрельского постановления ЦК об искусстве практические работники театра стали все чаще выступать в печати. Это, конечно, очень хорошо. Но надо сознаться, что большого толка от этих высказываний нет. Поэтому желаний высказываться сейчас уже несколько поостыло, и в этом смысле многим товарищам, которые ведут вопросы искусства, следовало бы подумать о том, что хорошо бы произвести проверку исполнения или, во всяком случае, толково отвечать на высказывания деятелей искусства. Если же по какому-то вопросу ряд высказываний совпадает, то надо бы относиться к ним с должным вниманием и делать практические выводы, улавливая их ведущую тенденцию. Вопросы советского театра глубоко волнуют всех нас, и приходится вновь и вновь констатировать некоторые очень существенные и опасные по своим последствиям недостатки и болезни театра в настоящее время.

В «Литературной газете», да и по существу дела, мне хочется особо выделить вопрос о драматургии. Высказывания актеров, режиссеров и авторов по этому вопросу за последнее время были особенно обильны и особенно бесплодны по своим результатам. Более того, именно в этом вопросе была проявлена особенная забота (организация драматургического конкурса и ряд других мероприятий) с тем же малоуспешным результатом. Каких только советов, рецептов не давали драматургам, каких требований к ним не предъявляли! Актеры, которым по своей профессии положено быть наивнее других, даже позволяли себе говорить, какие роли они хотели бы получить, очевидно, уже видя в перспективе хорошие, полноценные роли, которыми их подарили наши драматурги.

И вот сейчас, когда раздаются голоса о кризисном состоянии нашего театра, я думаю, что, подвергая сомнению подобные определения в отношении театра в целом, можно спокойно, не боясь преувеличений, согласиться с тем, что драматургия наша очень и очень отстает. И, по моему, чтобы крепче обидеть драматургов, надо употребить именно это определение. Пусть они почувствуют весь позорный смысл этого слова, которое в нашей стране наверное относится только к их области деятельности.

Я бы хотел даже употребить по ее адресу такое резкое слово, как «кризис».

Я не хочу сейчас обосновывать это утверждение и тем менее давать дра-

матургам советы. Драматурги послушались огромного количества советов и настолько уже привыкли к постоянным укорам, что в своих высказываниях сами совершенно спокойно говорят и пишут о печальном положении, в котором находится драматургия. Но результатов от этого самобичевания также незаметно. Мне хочется рассмотреть этот вопрос с его организационной стороны. Что мы в основном можем констатировать? На рынок поступает огромное количество пьес, большая продукция, результат большой работы, и это большое количество пьес оказывается плохим. Но я говорю здесь о пьесах, написанных квалифицированными авторами и передовыми нашими драматургами и молодыми и старыми. Мы наблюдаем совершенно другое явление. Мы получаем малое количество пьес. Мы прежде всего должны констатировать ничтожную продукцию наших драматургов. Вот этот факт мне кажется наиболее характерным и наиболее печальным для данного периода. Почему же это происходит? Я остановлюсь на очень скромном, не решающемся, но весьма существенном моменте. Я думаю, что есть одна существенная ошибка заботы о драматургах. Мне кажется, что здесь драматургам следовало бы сказать очень простые слова: «Работать надо». Ведь в самом деле, малая продукция есть прежде всего результат малой работы, а малая работа есть в огромной степени результатом, а бы сказал, отсутствия «приветки рублем» работы наших драматургов. И вот этого, по моему, не учитывают. Благое, само по себе, стремление поставить творцов-драматургов в такие хорошие условия, которые давали бы им ощущение творческой свободы, будучи проявлено в неумеренной степени, привело к обратным результатам. А именно: вместо хороших условий для свободной творческой работы, для которой, теоретически говоря, казалось бы вредна постоянная забота о хлебе насущном, получается, что драматург, написав одну хорошую пьесу, чувствует себя обеспеченным, по крайней мере, на полжизни. И такое положение, по глубокому моему убеждению, не только не стимулирует труд драматурга, а наоборот, лишает его ощущения того, что его профессия есть тоже труд, который, и только который, может быть ему оплачен.

Некоторые наши удачливые драматурги поистине являются рантьеями, они однажды потрудившись, если им при этом сопутствует удача, не ощущают никакой потребности, никакого поощрения к труду и просто... «распускаются». Я уверен, что если время, затрачиваемое на труд нашими драматургами, сравнить с одной стороны, с тем, сколько работает сейчас в

стране каждый трудящийся, а с другой — с тем, сколько работали мастера драмы и слова, классики наши и иностранные, то результат получится удручающий. Возьмем, к примеру, хотя бы юбиляра этого года — Лопе-де-Вега. Я точно не помню, сколько пьес он написал, но помню, что число их перевалило за тысячу. Неужели нужно напоминать нашим драматургам такую общепризнанную и ставшую тривиальностью истину, о том, что искусство — это совсем не удовольствие, а, прежде всего — тяжелая и непрерывная работа. Только в этом случае оно может стать удовольствием для окружающих. Возможность бездельничанья или полубездельничанья уже печально отразилась на многих драматургах и писателях, которым грозит опасность полного забвения. А ведь вряд ли такое положение соответствует их собственному желанию. Я убежден, что оно является следствием, я позволю себе это слово, «распущенности», неумения работать, и здесь во многом виноваты телличные оранжерейные условия, в которых растут эти капризные цветы.

Говорят, какой-то, то ли испанский, то ли португальский, король сказал, что «для того, чтобы писатель писал, его нужно держать впроголодь». Я не испанский король и тем менее португальский, но должен сказать, что если сделать скидку на его феодальную сущность и на то грубое время, в котором он жил, то его, пожалуй, можно признать и правым. Во всяком случае, если его поданным был Лопе-де-Вега, то успех его метода есть убедительное доказательство. Это, конечно, шутка, но несомненно здесь то, что только труд должен вознаграждаться.

Я не хочу предлагать никаких рецептов. Но бесспорно, что когда по всей стране наблюдается колоссальное повышение производительности труда, которое помимо прочего стимулируется материально, в отношении драматургов и писателей, по моему, следует идти также по этому пути. Довольно авансов! Надо вознаграждать труд. Неотъемлемое право писателя — получать наивысший гонорар за работу. Но система стрижки купонов должна быть пересмотрена. Любимый гонорар не кажется мне слишком большим, если он не дает возможности образования капитала. И вот почему последний закон об авторском праве, устанавливающий право несправочного «переадресации» удачной пьесы, действует в обратном направлении. Он не только не стимулирует выпуска новой продукции, а, напротив, поощряет некое почитание на лаврах прежде содеянного. Этот закон одновременно ослабляет и энергию театра по созданию своего ре-

пертуара. В самом деле, к чему беспокоиться об авторском акте, увлечь драматурга идеей о новой пьесе, когда можно, на основании закона, воспользоваться энергией и творческой инициативой, проявленной соседом. Я уж не говорю об очень неприятном привкусе художественной обезлички, который возникает благодаря праву драматурга не связывать свою судьбу с творческим направлением театра.

Если говорить о самочувствии в театре, то надо все-таки согласиться, что ощущение неудовлетворенности у нас, работников театра, несомненно есть. К сожалению, кажется, оно есть и у зрителя. Это обстоятельство не следует замазывать.

Поэтому нужно очень внимательно проанализировать причины и принять какие-то практические решения.

Я не принадлежу к числу пессимистов и думаю, что со всем этим можно справиться, тем более, что театр, как таковой, обладает огромными ресурсами, замечательными кадрами. Я уверен, что неблагоприятное в театре определяется отставанием драматургии. Весь богатый арсенал нашего театра и разнообразие его возможности находятся в огромной мере в бездействии потому, что у нас нет пороха, нам нечем стрелять.

Я не хотел бы поставить себя в неловкое положение, в которое поставил себя Дикий своими сомнительными по глубине и осведомленности анализами истории русского и советского театра, но в меру моей исторической осведомленности я убежден в том, что высокое развитие профессионального театра неразрывно связано с расцветом драматургии. Это убеждение и дает мне основание требовать смелых, эффективных и практических мер по обеспечению роста нашей драматургии.

Я, конечно, знаю, что обстоятельства организационного и материального порядка являются не единственными, может, и не главными причинами отставания драматургии. Но по принципиальным и творческим вопросам у нас высказываний было более чем достаточно, в то время как вопросы организационно-правового характера незаслуженно до сих пор остаются в тени.

Все мои соображения продиктованы дружеской досадой на наших драматургов и вместе с тем искренней уверенностью, что один факт повседневной усидчивой работы принес бы прекрасные результаты. Существующее же у некоторых писателей и драматургов представление о том, что дисциплинированный и регулярный труд в искусстве есть драмодельство и литературная поделщина, является пагубным заблуждением, наносящим огромный урон нашему театру.